

ELIZABETH
JANE HOWARD

THE LONG VIEW

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начинайте книгу, советуют писателям, так, чтобы никто не смог оставить ее без внимания. Устройте на странице пожар, заставьте предложение шипеть и искриться и швырните им в читателя, словно ручной гранатой.

С таким неистовым подходом неизбежно связан риск. Подобные усилия могут ошарашить не читателя, а самого писателя. И ему вряд ли хватит энергии, чтобы до самого конца книги достойно соответствовать собственному первому абзацу.

Есть и другой, не столь шумный способ: «Стало быть, вот как обстоит дело».

С затаенной, зловещей уверенностью писатель ставит для вас стул. Вы в столовой миссис Флеминг, вы соучастник. На ужин подадут устриц, куропатку и холодное апельсиновое суфле. Мимоходом, как бы в скобках, по сигналу легко постукавшей по хрусталу вилки, вносят первое блюдо:

«Сегодня вечером в доме на Кэмпден-Хилл-сквер за стол должны сесть восемь человек. Миссис Флеминг устраивала званый ужин (банальности такого рода от нее ждали, и она послушно соответствовала), чтобы отпраздновать помолвку сына и Джун Стокер».

Это зажиточный мир, экзотичность которому придает его исчезнувший этикет. Дамы стайкой удаляются в спальню миссис Флеминг, чтобы попудриться. В длин-

ных платьях они чуть не спотыкаются на изогнутой лестнице. Они идут пить шампанское в честь целомудренной Джун, которую уже одолевают страшные сомнения. На время действие заключено в мягкую дымку света свечей. Тревога стучится в стекла высоких окон. Внутри — строгий и банальный менюэт: ритуал светского общества, в разной степени мучимого безволием, тревожными предчувствиями, скукой. Снаружи — хаос: мир противоречивых, неуправляемых возможностей, «поражающих воображение».

В последнее время Элизабет Джейн Говард, которую всегда знали как Джейн, принесла известность тетралогия романов, известная под названием «Хроники семьи Казалет», основанная на истории семьи самой писательницы и адаптированная для радио и телевидения. Прослеживая судьбы членов семьи, относящейся к верхушке среднего класса, действие этих четырех романов начинается в 1917 году и охватывает десятилетие; пятый роман, «Все меняется», забегает вперед, в 1956 год. Романы панорамны, обширны, интригующи как образчики социальной истории и щедры в своем повествовании. Это итог опыта целой жизни, исходящий от писательницы, которая знает свою цель и обладает выносливостью и необходимыми техническими навыками, чтобы ее достичь. Отрадно было бы, если бы внимание тысяч читателей, которым понравился этот цикл, удалось привлечь к более ранним работам автора. Было время, когда ее талант казался таким искрометным, таким безудержным, что было невозможно предсказать, куда он заведет ее. С самого начала она удостаивалась превосходных степеней скорее за великолепие своей прозы, нежели за эмоциональную эксцентричность персонажей. Их смех был неистовым, плач — заразительным, любовные связи — безрассудными. Но в эффектах, которые создавала писательница, не было ничего непредусмотренного. С самого начала она была мастером.

Роман «В перспективе», опубликованный в 1956 году, имеет пятичастную структуру. Его действие начинается в 1950 году, каждая последующая часть уводит нас все дальше в прошлое по жизни Антонии Флеминг, пока мы не переносимся в 1926 год, где видим ее юной девушкой, которую на пути к замужеству ждут обманы из лучших побуждений, растерянность и издевательства. Прочитать эту книгу гораздо проще, чем описать ее. Искусство заключается в ее построении, а ее построение пробуждает желание. Настоящее завораживает читателя, но печалит миссис Флеминг; приходится читать дальше, по мере того как повествование откатывается в прошлое, чтобы выяснить почему. Писательница точно знает, где прервать сюжетную линию. Она вызывает неумное любопытство и преспокойно отказывается удовлетворить его. Постепенно выманиваемый из настоящего читатель видит Антонию матерью, женой, любовницей, дочерью, и наконец — просто самой собой. Ее история рассказана с эмоциональной напряженностью и сугубо чувственной силой. Удрученность человеческим положением проглядывает под стилем, который искрится и бурлит, как то шампанское, в которое будущая новобрачная льет постыдные слезы.

Первый роман Элизабет Джейн Говард, «Красивый визит», завоевал премию Джона Ллевеллина Риза. Подумать только: роман «В перспективе», настолько зрелый и технически совершенный, был всего лишь ее второй книгой. Несмотря на ранние похвалы и внимание, Джейн с трудом удавалось зарабатывать себе на жизнь. Она происходила из среды, где о такой необходимости среды мало задумывались. В романе «В перспективе» род деятельности миссис Флеминг, указанный в ее паспорте, — «замужняя женщина». В этом мире мужчины не обязаны объясняться или отчитываться. Созданные для того, чтобы их всячески ублажали, они ставят перед собой цель вылепить из женщины устраивающую их, если не иде-

альную жену. Конрад Флеминг стремится сформировать Антонию. Это человек безупречного самомнения, безукоризненного эгоизма. Современные молодые читательницы, возможно, воспримут этот персонаж скептически. И напрасно: он описан с полной достоверностью. Это голос позавчерашнего дня и вместе с тем голос минувших веков.

Опять-таки нас может озадачить наивность и безволие Джун Стокер, званым ужином в честь помолвки которой открывается повествование. Но Джун с ее розовой пудрой и трепетной нерешительностью — самая обычная девушка ее времени и социального слоя; точно так же как дочь миссис Флеминг, Дейрдре, обычна своим вызывающим поведением, эмоциональным балансированием на грани и поиском мужчины, который воздаст ей должное. Автор уделяет этим людям всю полноту внимания. Творчески и точно она описывает бесконечное множество мелочей, составляющих текстуру их жизни.

Именно благодаря этой точности она увлекает заинтересованного читателя за собой исследовать всевозможные нюансы чувств. Этот автор понимает, что такое порыв, потому что чувствует пьянящее возбуждение. Она чувствует и прохладный ветер на улице, и зябкий сквознячок беспокойства. В тот же момент как эти чувства испытаны, они описаны — пригвождены к странице. Ни внешний, ни внутренний мир не имеют привилегий один перед другим, но в каждой фразе схвачена их взаимосвязь: чистый свет логики и намерения, пестрая и пятнистая тень подсознательных влечений, полуоформленных желаний. У автора острый глаз и слух, но ее суждения великодушны и сдержанны. Она уважает своих персонажей. Никто из них не существует для того, чтобы его презирали. Конрад, к примеру, «изучает конфликты», оставляя за собой след нанесенного ущерба и зная, что женщины наведут порядок. Но он остроумен и порой на удивление пронизателен и добр; мы понима-

ем, почему Антония увлекается им. В этих романах даже чудовища питают пристрастие к любви. Кем бы они ни были — робкими простушками или закоренелыми эгоистами, — они жаждут милости. И цепляются за веру в то, что кто-нибудь разглядит за их сумасбродством надежность. Ищут того, кто прочтет их и останется рядом с ними, будет знать худшее, но продолжать перелистывать страницы.

Элизабет Джейн Говард родилась в 1923 году в состоятельной, имеющей большие связи и несчастной семье. Ее отец и его брат руководили лесоторговой компанией — не столько руководили, сколько «просто славно проводили время», как говорила она. Они это заслужили. Ее отец был призван в армию в семнадцать лет, выжил в Первую мировую войну на Западном фронте, привез домой Военный крест. Отцом он был ласковым, но двуличным и ненадежным. Боязнь девочки, смешанная с увлеченностью, стала источником вдохновения для романов о Казалетах, атмосфера которых далеко не так уютна, как может показаться. Брак ее родителей и их последующие отношения вместе с отношениями самой Джейн послужили наглядным образцом кризисных ситуаций почти для всех написанных ею книг. «Есть только два типа людей, — рассуждает Конрад в романе «В перспективе», — те, кто ведет разную жизнь с одними и теми же супругами, и те, чья жизнь одинакова с разными...» Это лишь одно из множества подобных желчных наблюдений — емко выраженных и болезненно-точных.

Мать Джейн, Кит, была разочаровавшейся танцовщицей. Карьерой она жертвовала ради брака. Мир профессионального танца настолько суров и полон испытаний, что трудно сказать в конкретном случае, предопределило ли ее выбор подозрение, что она просто недостаточно талантлива. Юноши средних способностей уезжали за границу, их резюме сводилось к аббревиатуре FILTH — «failed in London, try Hong Kong» («провалился в Лондоне — про-

буй в Гонконге»). Свернув с пути раскрытия своего потенциала, женщины могли предпочесть брак как ссылку, зачастую с сомнительным результатом. По-видимому, Кит не любила свою дочь. Возможно, ревновала к ней. Джейн обладала эффектной внешностью. В ее романах взрослые с завистью, смешанной с восхищением, смотрят на того, кто в наименьшей мере заслуживает зависти, — на подростка, кишасщее скопище сомнений. Формального образования Джейн почти не получила, зато она много читала. А учительница музыки наделила ее еще одним ценным умением — «как учиться: как взять на себя труд и продолжать брать его».

На краткое время Джейн стала актрисой. Вторая мировая война уничтожила ее надежды на актерскую карьеру. Подобно миссис Флеминг, она видела «стремительные взлеты и падения стоимости жизни, словно на взбесившейся фондовой бирже». В такой атмосфере решения принимались быстро — не было никаких взглядов в перспективу. Джейн минуло девятнадцать, когда она вышла замуж за тридцатидвухлетнего натуралиста Питера Скотта, в то время морского офицера. Вечером накануне свадьбы мать спросила ее, известно ли ей что-нибудь о сексе, и назвала его «гадкой стороной» супружеской жизни. Дочь Джейн, Никола, родилась во время авианалета. Этот пережитой опыт был ужасен. Джейн знала, что должна запомнить его и использовать в будущем. Когда война закончилась, она ушла от мужа и маленькой дочери, чего мир не собирался ей прощать. Она перебралась в грязную квартиру в переулке у Бейкер-стрит — «голая лампочка на потолке, дощатые полы со множеством зловредных гвоздей... я была уверена лишь в одном: я хочу писать».

Был и еще один брак, краткий, с товарищем по ремеслу — писателем. Затем она стала второй женой Кингсли Эмиса, признанного и модного автора романов. Джейн хотела любви — и плотской, и любой дру-

гой; так она и говорила всю свою жизнь, проявляя смелость, потому что эти слова всегда воспринимались как признание в слабости. Первые годы замужества с Эмисом были полны радости и товарищества. Известна фотография, на которой пара работает, поставив рядом пишущие машинки. Она идет вразрез с самой сущностью этого ремесла. Джейн оказалась нанизанной на колючую проволоку парадокса. Она жаждала близости, а писательство требует уединения. Ей хотелось, чтобы ее ценили, а писателям этого зачастую не достается. Обстановка в доме была «кипучая» и богемная. Джейн вела хозяйство и готовила еду для гостей, среди которых попадались и привереды, и любители погостить подольше. Она была доброй и вдохновляющей мачехой для трех детей Эмиса. Брак получился, как говорил Мартин Эмис, «динамичный», но работа мужа занимала привилегированное положение, тогда как работа Джейн воспринималась как эпизодическая, выполняемая урывками, в свободное от естественных домашних обязанностей жены время.

За эти годы она написала ряд искрометных романов, полных описаний радостей жизни, при этом сама переживала периоды, когда была глубоко несчастна. Ее муж зарабатывал деньги и срывал аплодисменты, но она продолжала верить в свой талант. Воспитанные люди не устраивают суеты и не поднимают шума, внушала ей мать, даже когда рожают. Это предписание ведет к эмоциональной смерти, а не к творческому росту. Но если можно пережить боль, наверное, можно направить ее в нужное русло и поставить на пользу работе. В своих романах Джейн писала об обмане и самообмане. Подсчитывала цену лжи и стоимость истины. Видела причиненный ущерб, ущерб, отраженный и поглощенный. От Джейн Остин она узнала больше, чем от родной матери. Комедия создается не тем писателем, который, прошествовав к письменному столу, объявляет: «А теперь я буду весе-

литься!» Она исходит от того, кто еле доползает до стола, истекая стыдом и отчаянием, и начинает добросовестно описывать, как обстоит дело. В этой приверженности подробностям страданий чувствуется наслаждение. Чем мрачнее, тем лучше: медленно и нехотя начинает проступать комедия.

Журналист Анджела Ламберт задавалась вопросом, почему «В перспективе» не признан одним из величайших романов XX века. Можно спросить также, почему литературное наследие Джейн в целом не оценено выше. Да, набор ее социальных ситуаций ограничен, но ведь и у Джейн Остин тоже. Как и в романах Остин, бурный потаенный поток тревоги грозит вырваться на поверхность праздной жизни. Это тревога о ресурсах. Достаточно ли я имею? Хватает ли денег в моем кошельке? Достаточно ли у меня заслуг перед миром? В разных сюжетах персонажи Элизабет Джейн Говард еле держатся на грани обнищания. В некоторых случаях деньги поступают из таинственных источников. Ее персонажи не распоряжаются этими источниками и не понимают их. В эмоциональном и финансовом отношении ее уязвимые героини едва сводят концы с концами. Даже если они имеют достаточно, они недостаточно знают.

Их безоружность, их уязвимость дает им право претендовать на самую обостренную чувствительность. Какое мне дело, спросят некоторые читатели, до печалей богатеев? Какое дело до того, что происходит на Кэмпден-Хилл-сквер? Но читатели, равнодушные к богатым персонажам, равнодушны и к бедным. Романы Джейн могут вызывать протест у тех, кто видит лишь то, что лежит на поверхности, и считает увиденное мещанством. Ее книгам противятся те, кто не любит еду, или кошек, или детей, или призраков, или удовольствие предельной точности в наблюдениях за миром природы или рукотворным миром: те, кто демонстративно игнорирует недавнее прошлое. Однако эти книги ценят те, кто открыт их обаянию,

умственной одаренности и юмору, те, кто умеет прислушиваться к посланиям из мира, ценности которого отличаются от наших.

Однако подлинная причина, по которой эти книги остаются недооцененными, скажем прямо, в том, что они написаны женщиной. До совсем недавнего времени существовала категория книг «написаны женщинами для женщин». Существовала неофициально, поскольку была ничем не оправданна. Наряду с продуктами жанра, имеющими мало шансов на выживание, в нее входили произведения, написанные с большим мастерством, но в минорном ключе, романы, посвященные личной, а не общественной жизни. Такие романы редко пытаются поразить или спровоцировать читателя: напротив, несмотря на то что повествование может разворачиваться изобретательно и изощренно, все старания приложены для того, чтобы читатель чувствовал себя в нем непринужденно. Сдержанное и отточенное, оно не прибегает к тому, что Вальтер Скотт называл «категорической манерой выражения». Критически анализируя творчество Джейн Остин и восхищаясь им, Скотт увидел проблему: как можно оценить такую работу в соответствии с критериями, предназначенными для более крикливых произведений? Начиная с XVIII века эти романы были постыдным удовольствием для множества читателей и критиков — ими наслаждались, но с пренебрежением. Значение имела иерархия тем. Войне надлежало занимать больше места, нежели деторождению, несмотря на то что и в том и в другом случае проливалась кровь. Сожженные трупы ставились выше подгоревших кексов. Если женщина обращается к «мужским» темам, это не спасает ее от опошления; если мужчина снисходит до домашних тем, свободно пишет о любви, браке, детях, его превозносят за эмпатию и сдержанность, дают высокую оценку его бестрепетности, будто он рискнул отправиться

к дикарям, чтобы добыть тайное знание. Порой само совершенство напрашивается на пренебрежительное отношение. Она наводит весь этот лоск, потому что не идет ни на какой риск. Ее работы безупречны, потому что они так незначительны. «Я пишу на двух дюймах слоновой кости, — иронизировала Джейн Остин, — столько труда, а результат ничтожен».

Джейн Остин освящена временем, хотя до сих пор находят те, кто не понимает, из-за чего весь сыр-бор. На ее удачу, она была хорошей девочкой, которой хватило деликатности умереть молодой; и поскольку о ее личной жизни нечего сказать, а ее сердце защищено от исследований, критикам остается только обращаться к ее текстам. Карьера современных женщин не столь опрятна. Когда Элизабет Джейн Говард умерла в 2014 году в возрасте девяноста лет, «Дейли телеграф» назвал ее в некрологе «небезызвестной своей бурной личной жизнью». Прочие образцы «дани уважения» сосредоточили внимание на ее «провальных» любовных связях. У писателей-мужчин такие связи свидетельствуют о неукротимой мужской силе, а у женщин указывают на признак ошибочности суждений. Сесил Дэй-Льюис, Сирил Коннолли, Артур Кёстлер, Лори Ли и Кен Тайнен¹ значились среди ее побед, хотя, конечно, мир считал, что это перечисленные мужчины покорили ее. Разводы и разрывы могут нанести ущерб писателю-мужчине, но отметины от них воспринимаются как боевые шрамы. Его откровенные действия могут означать глупость и похоть, но предполагается, что на каком-то скрытом уровне его поступки служат его искусству. А женщина, принято считать, поступает опрометчиво просто потому, что ничего не мо-

¹ Сесил Дэй-Льюис (1904–1972) — поэт, писатель, переводчик. Сирил Коннолли (1903–1974) — литературный критик. Артур Кёстлер (1905–1983) — писатель и журналист. Лори Ли (1914–1997) — писатель и сценарист. Кеннет Тайнен (1927–1980) — театральный критик и писатель.

жет с собой поделаться. Она пользуется случаем, потому что ни на что другое ей не хватает ума. Ее судят и жалеют или судят и осуждают. Суждения о ее жизни вредят суждениям о ее работе.

Несмотря на то что такие авторы, как Вирджиния Вулф и Кэтрин Мэнсфилд открыли новый способ смотреть на мир, хорошие книги, написанные женщинами, перестают публиковаться и пропадают в неизвестности: и не только, как в случае с писателями-мужчинами, из-за переменчивой моды, но и потому, что они с самого начала не были оценены по достоинству. В 80-х годах XX века феминистские издательства вернули их на полки. Элизабет Тейлор после периода забвения вновь стала популярной. Барбару Пим забыли, открыли заново, опять обрекли на положение диковинки. Порой какой-нибудь современный писатель открывает нам глаза: мы научились читать Элизабет Боуэн сквозь призму уважения к ней, проявленного Сарой Уотерс. Непростой путь Аниты Брукнер указал, что можно завоевать крупный приз, быть читаемой повсеместно и все-таки оставаться недооцененной. При всем ее позднем успехе, а может, именно из-за него, произведения Элизабет Джейн Говард воспринимаются неверно. Ее достоинства — безупречность построения, безукоризненная наблюдательность, убедительная, но безудержная техника письма. Может, они и не вызывают много шума, но каждому писателю есть чему у них поучиться. Преподавая литературное мастерство, ни одного автора я не рекомендую чаще и не озадачиваю этим студентов сильнее. Читайте ее, советую я, и читайте книги, которые читала она сама. В особенности рассмотрите эти два маленьких чуда — «В перспективе» и «После Джулиуса». Разберите их и постарайтесь понять, как они созданы.

Точную дату моего знакомства с Джейн я не помню. Это было в Королевском литературном обществе в конце 80-х годов прошлого века на одной из встреч обще-